

строе правотворчество полиса все больше приобретает индивидуально-личный характер и творцом права становится гражданин полиса.

Таким образом, мы показали, что философско-правовой анализ критически оценивает существующую правовую действительность, показывает место и роль права в обществе и культуре; раскрывает смыслы права и роль субъекта права. Ведь право формируется и развивается под влиянием социальных и культурных факторов – в своей совокупности они и составляют бытийные основания человеческого существования на том или ином этапе его исторического развития¹⁷². Следовательно, философско-правовой уровень осмысления статуса субъекта права предполагает выявление факторов, влияющих на становление и развитие субъекта права.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ТЕХНИКИ: ТИПОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПОДХОДОВ

Е. П. Стародубцева

*старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Техника становится проблемой философских исследований со второй половины XIX в. Как философская дисциплина философия техники оформляется в первой половине XX в. Несмотря на то, что феномен техники привлекал внимание крупнейших философов и в XX в., философия техники до сих пор носит лоскутный характер, в том смысле, что в ее рамках не сформировались традиционные школы или подходы, к которым относили бы себя исследователи. Да и слишком мало для формирования такой традиции оказалось философов, которые позиционировали бы себя в качестве философ техники. Исключение составляет, пожалуй, только знаменитый Союз немецких инженеров (СНИ), созданный в 1856 г. В рамках этой организации были поставлены вопросы о сущности техники и технического знания, а также проблемы взаимосвязи классического университетского и технического образования. Союз немецких инженеров объединил крупнейших немецких инженеров и философов. Первым председателем группы «Человек и техника» был Пауль Кесслер, известный специалист

¹⁷² Карташева А. А. Онто-гносеологические основания авторского права. Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Екатеринбург: Б. и., 2013. 25 с.

в развитии транспорта в Брауншвейгском университете, вторым - Клаус Тухель – доктор философии и теологии, третьим – бывший директор гамбургского отделения германской железной дороги, доктор инженер Вальтер Хельберг.

Как правило, философские проблемы техники являются лишь аспектом целостной философской концепции. Это можно наблюдать в философии М. Хайдеггера, К. Ясперса, О. Шпенглера, Г. Маркузе и многих других.

В философской литературе практически отсутствуют попытки систематизировать исследования в области философии техники, дать приемлемую классификацию существующих концепций. Исключение составляют статьи Ф. Раппа, Э. Штрекер в широко известном сборнике «Философия техники в ФРГ», изданном, впрочем, очень давно.

В целях осмысления существующего разнородного материала по философским проблемам техники попробуем построить типологию философских подходов к этому явлению.

Эволюционный подход характеризуется рассмотрением техники в контексте эволюции человека как биологического вида. Техника предстает как совокупность сложившихся в ходе эволюции средств, повышающих адаптационные свойства человека и соответственно, повышающих его шансы в борьбе за выживание. К этому подходу можно, по всей видимости, отнести концепции немецких философов О. Шпенглера и Х. Закссе.

Шпенглер определяет природу человека как изобретательного хищника. «Он не является «добрым от природы» и тупым простаком, полуобезьяной с техническими задатками, как описывал его Геккель или малевал Габриэль Макс. На этой карикатуре все еще лежит плебейская тень Руссо. Напротив, тактика его жизни относит человека к великолепным, отважным, хитрым и жестоким хищникам. Он живет атакой, убийством, уничтожением. С тех пор как он существует, он хочет быть господином»¹⁷³, – пишет Шпенглер. Однако, человек, в каком-то смысле, ущербное животное. Он не умеет быстро бегать, у него нет когтей и мощных зубов, как у других хищников. Он вынужден создавать технику, для того, чтобы компенсировать эту ущербность. Человек как хищник развивает систему средств, которая позволяет ему захватывать и удерживать свою территорию, свою собственность, становиться сильнее в борьбе за выживание.

Если другие животные из поколения в поколения лишь повторяют технику своего вида (технику построения жилищ, технику ведения войн), то человек способен выйти за рамки своего вида и изобрести свою собственную технику, или по выражению

¹⁷³ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век. М.: Юрист, 1995. С. 464.

Шпенглера, «тактику своей жизни». Эта способность к созданию принципиально нового, которая коренится в душе человека, способность к творчеству не просто выделяет человека из природы, а делает человека враждебным всему миру: и природе и другим людям.

Техника не связана с умозрением, она вырастает из пластики руки и является ее усовершенствованием. Техника — удел людей деятельных, практичных, расчетливых, стремящихся к наращиванию жизненной силы. Такого рода люди и встают во главе человеческого общества, когда оно превращается в сложноорганизованное предприятие.

Таким образом, техника не отождествляется с тем набором машин и инструментов, которые существуют в наличии. Наличная техника предстает как зримое воплощение человеческого духа, а именно, его способности вносить расчет и порядок в окружающий мир, превращать весь мир в свой собственный проект.

Бросающаяся в глаза несовместимость техники и природы, иллюзорна, так как возможность и необходимость техники заложена в биологической природе человека. «Развертывание техники является ответом эволюции на структурный принцип превосходства дифференцированно интегрированных систем»¹⁷⁴. Суть техники заключается в том, что она ставит между человеком и его целью орудия, инструменты, или в общем виде, средства достижения. Этот обходной путь оказывается более эффективным с эволюционной точки зрения, так как приводит к созданию сложноорганизованных систем, обладающих высокой конкурентной способностью в борьбе за выживание.

Из такого положения вещей вытекает бессмысленность оценочных суждений о технике. Техника не может быть хорошей или плохой, она может лишь исчерпать себя, свой потенциал в процессе эволюции, и это станет концом технической цивилизации.

Эволюционный подход в философии техники, таким образом, дает основания рассматривать возникновение и развитие техники как закономерный этап эволюции природы.

Антропологический подход укореняет технику в природе человека, которая не обязательно носит биологический характер. Типичными примерами являются концепции Х. Ортеги-и-Гассета и Л. Мэмфорда. Техника в рамках этого подхода является для человека способом не встраиваться в природу, а способом избавляться от природы. Согласно, Ортеги-и-Гассету, человеческая жизнь, в отличие от жизни животных, не совпадает с составом витальных потребностей. Человек не ощущает потребности в еде, питье,

¹⁷⁴ Закссе Х. Антропология техники // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 428.

тепле как обращенных к его подлинному бытию. Он воспринимает эти заботы как навязанные, обременяющие его. Если бы человеку не было необходимости заботиться об удовлетворении витальных потребностей, в его распоряжении осталось бы все огромное пространство жизни, то есть заботы и дела, которые он считает подлинно своими.

Цель техники, таким образом, не просто удовлетворение витальных потребностей, а по возможности, ликвидировать витальные потребности так, чтобы их удовлетворение не составило ни малейшего труда. Техника уничтожает потребности в еде, тепле <...> как потребности, то есть как нужду, лишение и заботу.

Человеческие потребности – это не потребности в необходимом, это, скорее, потребности в излишнем. Разделить необходимое и излишнее крайне сложно. Человек может отказаться от еды, тепла, но порой не в силах отказаться от излишнего. Человек не чувствует себя полноценным и счастливым, если, например, не может купить хороший, понравившийся подарок другу, готов отказаться от обеда, чтобы сэкономить деньги на кино и т. д. Человек в отличие от животного стремится не просто жить, а жить хорошо. Человек – это животное, которому необходимо лишь объективно излишнее.

Техника – это и есть производство избыточного продукта.

Человек, техника, благосостояние – это синонимы. В результате, развитие техники зависит от тех представлений о благосостоянии, которые складываются у нас¹⁷⁵.

Своеобразной разновидностью антропологического подхода является концепция Л. Мэмфорда, согласно которой техника является составной частью человеческой природы, но не исчерпывает ее, и не определяет ее сущности. Концепции, рассматривающие технику, как выражение сущности человека, согласно этому автору, вырастают из определения человека как *homo faber* (существо, использующее орудия труда). Начиная с эпохи Классики, мы привыкли считать труд – наиболее достойным способом существования человека, а практическую полезность деятельности отождествили с ее разумностью. Отсюда вырастает наша переоценка роли техники, как наиболее рациональной формы организации труда, в понимании природы человека.

Сущность же человека, на самом-то деле, заключается в том, что он существо мыслящее, способное к созданию символических систем и интерпретации.

«Благодаря чрезмерно развитому, активному мозгу человек обладал большей умственной энергией, чем ему необходимо было

¹⁷⁵ См. подробнее: Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_raz/ (дата обращения: 15.12.2013).

для выживания на чисто животном уровне»¹⁷⁶, — пишет М. Мэмфорд. Начиная с древних времен, человек осваивает и организует окружающий мир с помощью развитой символической системы, включающей танец, ритуал, искусство, игру, миф, магический обряд. Техника — освоение и преобразование мира с помощью созданных орудий труда, являлась лишь незначительной частью этой общей системы. Даже заложенная в технике способность к планомерным, повторяющимся действиям, направленным на достижение заранее известного результата, вырастает, скорее всего, из игры и ритуала. Возникновению техники в этом узком смысле слова, таким образом, предшествует становление и развитие в человеке биотехнологии: технологии тела, технологии самоконтроля и самоорганизации, технологии самовыражения¹⁷⁷. Техника в современном смысле слова возникает примерно в III тыс. до н. э., она находит свое воплощение в способности человека создавать сложные системы организации деятельности и общественной жизни. Эти системы характеризуются межиндивидуальной специализацией, жесткой вертикалью власти, нацеленностью на результат. Например, такой системой является армия. Метафорой, которая характеризует функционирование такого рода систем, является образ машины. Главным качеством такой машины является эффективность деятельности.

В рамках антропологического подхода возникают основания для оценочных суждений по поводу техники. Дело в том, что человек не всегда разумно использует данное ему богатство способностей. И тогда техника из средства освобождения превращается в средство порабощения человека.

Таким образом, с точки зрения антропологии техники, техника — это способность человека создавать средства (формы деятельности), позволяющие ему выходить за рамки чисто биологических форм жизни, изменять окружающий мир в соответствии со своими целями.

Онтологический подход рассматривает технику как способ бытия не только и не столько человека, сколько мира в целом. В русле такого подхода мы находим работы Ф. Дессауэра, Ж. Эллюля, М. Хайдеггера и К. Ясперса. Через технику выявляются определенные аспекты бытия мира. Прежде всего, техника ставит перед нами, нашими глазами скрытую ранее суть природы, возможность становится действительностью. Создавая механизмы по образу и подобию живых существ, мы делаем зримым потенциал, заложенный в их форме, способе деятельности и существования.

¹⁷⁶ Мэмфорд М. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 229.

¹⁷⁷ Там же.

Самолеты, оптические приборы, средства эхолокации и т. д. Техника раскрывает человеку и его собственную природу, в качестве существа, стремящегося расчертить, упорядочить, организовать и через это овладеть окружающим миром. Человек технический не противостоит природе и не враждует с ней. Сам, являясь частью природы, он помогает проявиться, и красоте природы и ее полезности¹⁷⁸. Техника не заложена ни в природе человека, ни в природе мира, она вырастает из встречи человека и мира. Способность человека изменять мир сообразно своим целям может быть реализована только при условии, что мир способен становиться все в большей и большей степени объектом, лишенным самостоятельного существования, смысла и цели.

Возникновение технического общества в XIX в. онтологический подход рассматривает как переломный момент в истории человечества. Мир в результате научно-технической революции так сильно изменился, что мы оказались оторванными от тысячелетней истории человечества и перестали ее понимать. Мир покори́лся человеку, открылся перед ним в невиданной раньше глубине и полноте, но вместе с тем потерял свою собственную самодостаточность, духовность и осмысленность. Техника задает совершенно новый способ взаимодействия человека и окружающего мира. «Техника радикально изменила повседневную жизнь человека в окружающей его среде, насильственно переместила трудовой процесс и общество в иную сферу, в сферу массового производства, превратила все существование в действие некоего технического механизма, всю планету – в единую фабрику. Тем самым произошел, и происходит по сей день, полный отрыв человека от его почвы. Человек становится жителем Земли без родины, теряет преемственность традиций. Дух сводится к способности обучаться и совершать полезные функции», – пишет Ясперс.

Мир, став технически освоенным, не стал более понятным для человека. Среднестатистический человек пользуется техническими средствами, непонимания принципов их устройства. В этом смысле люди дотехнологической цивилизации гораздо лучше владели непосредственными условиями своего бытия, чем современный человек.

Сущности техники в рамках онтологического подхода определяется через такие категории как средство, рассудок, рационализация, власть. Техника – это средство для достижения целей внешних по отношению к ней самой. Техническое мышление превращает весь мир в средство для человека, стремящегося удовлетворить свою потребность в комфорте, стремление к власти, познавательное

¹⁷⁸ См. подробнее: Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

любопытство. Разум с его претензиями на Истину, Добро и Красоту выводится за границы реально существующего. Реально существует то, что поддается расчету рассудка. А расчет позволяет, в свою очередь, овладеть действительностью, приручить мир, сделать его управляемым. «Техника покоится на деятельности рассудка, на исчислении в сочетании с предвидением возможностей и догадками. Техника оперирует механизмами, превращает свои данные в количества и отношения. Она является частью общей рационализации как таковой. Власть. Техника – это умение, методы которого являются внешними по отношению к цели. Это умение – способность делать и обладать, а не созидать и предоставлять расти»¹⁷⁹.

Техника предстает как некая тотальность, которая поглощает и природу и человека. Техника – кокон, окутавший всю планету и не оставивший места ни естественной природе, ни искусству прежних времен, ни человеку.

В технологическую эпоху отчуждение человека от мира, природы, от самого себя достигает своего апофеоза. Но именно, следуя эту качественно новую форму жизни, философия получает возможность «со всей отчетливостью показать, какие свойства человеческой природы повторяются и каковы вечные, основополагающие условия человеческой жизни. Этот вопрос сводится, собственно говоря, к тому, что остается незатронутым техникой или вновь, вопреки ей, возникает в своих основных моментах»¹⁸⁰.

Онтология техники, таким образом, ставит вопрос об особом способе бытия человека, в котором мир предстает как поддающееся рациональному расчету предприятие.

Социально-политический подход делает упор на связи техники, технического мышления и технической деятельности с властью. К этому подходу можно отнести исследования Г. Маркузе. Согласно его концепции, техника в современном смысле слова возникает в европейской культуре в XIX в. С тех пор она становится основным историческим проектом сначала Европы, а затем и всего мира. Своим возникновением современное техническое общество обязано, прежде всего, развитию естественных наук и социальной организации труда.

Наука, начиная с эпохи Нового времени, по сути своей технологична. Она основана, скорее, на деятельности не разума, а рассудка. Рассудок – это то, что помогает нам ориентироваться в окружающем мире, это здравый смысл. Для рассудочного мышления реально существует лишь то, что поддается исчислению. Например, качество научных публикаций определяется индексом цитируемости, качество менеджера по продажам – количеством

¹⁷⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 117.

¹⁸⁰ Там же. С. 116.

заключенных договоров, ценность личности определяется тем, что она имеет. Все остальное: идеалы и ценности разума, становятся чем-то несущественным, а, возможно, и несуществующим. Технологичность мышления новоевропейской науки яснее всего проявляется в той идеальной модели метода, к которой она стремится. В идеале научный метод должен стать алгоритмом, который позволяет за конечное количество шагов получить запланированный результат. Раз открытый этот метод должен позволять, без излишней траты умственных сил получать искомый результат снова и снова. Наука больше не ищет Истину этого мира, как это было скажем в античности, она открывает много полезных истин, описывающих законы существования мира. Эти «полезные истины» можно продать, украсть, использовать для обогащения.

Наука, соединяясь с определенной формой организации труда, формирует особого рода технологическую реальность, которая становится средой обитания человека, начиная с XIX в. В основе этой формы организации труда лежит его разделение. Ремесленник был творцом всего продукта: от замысла до воплощения. Он вкладывал в него свои знания, умения, навыки, думал о том, где сможет его продать. То есть ремесленник всем своим существом, как целостная личность был задействован в этом процессе. Рабочий на фабрике, выполняя одну операцию, может овладеть ей в совершенстве, но при этом работа его приобретает односторонний механический характер и не важно, доступен ли ему смысл целого или нет. Промышленное производство приобретает черты сложно организованной машины. В результате возникает проблема научной организации труда и научного управления. Причем именно научность этих процессов должна обеспечить эффективность результата. Таким образом, эффективность технологии базируется на науке, но наука, в свою очередь, добивается небывалых успехов в развитии, выстраивая себя по аналогии с промышленным производством. Это находит свое воплощение в непрерывно возрастающей специализации научных исследований. Ученый, подобно рабочему на фабрике, в совершенстве овладевает узкой областью знаний и навыков. При этом он может быть совершенно беспомощным в решении повседневных проблем, абсолютно не разбираться в искусстве и религии. Формируется феномен, получивший название «профессиональный кретинизм». Современный ученый ничем не напоминает ни мудреца античности, ни титанов эпохи Возрождения. Подчеркнем еще раз, что разделение труда, или, что тоже самое, узкая специализация является необходимым условием научного и технического прогресса.

Современная наука и техника укоренены в одном и том же типе рациональности. Это рациональность рассудочного существа,

которое твердо стоит на Земле, верит только в то, что можно увидеть, потрогать, измерить, и рационально изменить, сделать лучше, то есть полезнее для человека.

В каком-то смысле, в технике человек находит себя в своем мире. Именно поэтому он испытывает к технике неизменный интерес и доверие.

Техника создавая особую форму рациональности, создает и особые формы господства. Это господство, основанное не на внешнем принуждении, и не на вере в избранность правящего класса, а на привычке к высокому, комфортному уровню жизни, который обеспечивает современная технология. Достижения технической цивилизации доступны не отдельным, особенно богатым или знатным индивидам, они поступают в распоряжение основной массы населения. Отсюда понятия – массовое производство, массовое потребление, человек массы. «Массовый человек» – это человек, который утратил сознание того, что общество – это нечто внешнее, навязывающее ему чуждые идеалы и ценности. Это человек, который лишился собственного внутреннего измерения жизни. Он воспринимает предлагаемые обществом правила игры как разумный естественный порядок вещей. Это человек, который думает как все, одевается как все, старается купить машину как у всех, быть, одним словом, не хуже других. Достигнутый уровень благосостояния становится символом успеха, социального статуса, избранности. В результате в современном обществе изменился механизм, привязывающий индивида обществу. Он коренится в потребности достичь того уровня обеспеченности, который общество считает достойным уровнем жизни. «<...> Отказ следовать вместе со всеми предстает как свидетельство невроза и бессилия»¹⁸¹, – пишет Герберт Маркузе.

Человек, критикующий современный способ организации производства, жизни и власти в глазах общества предстает как неразумный, так как рискует потерять те предпочтения, которыми располагает.

Современные технологические формы управления и производства приобретают все более научный характер. Для науки, в свою очередь, характерны претензии на объективность. Наука говорит от лица Истины. С точки зрения идеологии технологического общества, наука – не только высшая, но, по сути, единственно возможная (правильная) форма рациональности. И эта форма научной объективности современной технологической рациональности превращает несогласие с ее порядком в нечто иррациональное.

Идеологи технологического общества признают что, оно подавляет индивидуальность человека, превращает его в функцию

¹⁸¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. 224.

бюрократического, производственного технологического аппарата, навязывает человеку привычки безграничного потребления, заставляет ради удовлетворения этих потребностей все более интенсивно трудиться, но оправдывает это тем, что техническое производство является наиболее эффективным способом решения проблем, возникающих в социальной практике.

Технологичность современной рациональности и ее связь с процессами формирования властных структур явным образом обнаруживается в процедурах принятия значимых решений в результате проведения общественных дискуссий. Пространство общественной дискуссии – это тоже своеобразная «мегамашина» Мэмфорда. Это внутренне дифференцированная сложная система, с четкой вертикалью власти, с жестким распределением функций и, вообще-то говоря, с заранее известным результатом деятельности. Именно предсказуемость результата деятельности этой машины и рождает проблему формирования каналов свободной коммуникации в современном демократическом обществе.

Социально-политические концепции техники, таким образом, определяют технику как форму власти, в основе которой лежит вера в эффективность научной рациональности и научного способа организации труда и управления.

Утопические концепции техники пытаются дать анализ тенденциям, которые возникают в развитии общества в последней трети XX в. и связаны с появлением и развитием, так называемого, информационного общества. Возникновение компьютерных технологий решает целый ряд традиционных проблем индустриального общества. Человек в значительной мере перестает быть массовым существом, условия его жизни и деятельности индивидуализируются. Современные технологии позволяют производству ориентироваться на выпуск небольших партий изделий, постоянно менять ассортимент товаров, сотрудникам работать удаленно, человеку жить не в промышленных центрах, а за городом, сохраняя связь с цивилизацией. Усталость человека уже в XX в. от технической цивилизации отмечал уже О. Шпенглер. Философ говорит о стремлении западноевропейского человека сбежать из мира машин и вернуться к созерцательным формам жизни, о ненависти к промышленным городам и тоске по единству с природой. Именно в этом Шпенглер видел основную причину заката машинной цивилизации: от нее отвернуться лучшие люди, и техника утратит подлинный источник своего развития – творчество человеческого духа.

Вопреки всем пессимистическим прогнозам, развитие информационного общества, положив конец индустриальному обществу, подняло технику на небывалую ранее высоту. Если в индустриальном обществе техника была продолжением человеческой руки,

то в информационном компьютер стал продолжением его мозга. Компьютерная техника сделала пластичной саму технологию. Технология производства, исследования, письма не застывает больше в чертежах и книгах, она непрерывно течет, изменяя облик продукта. Технология теряет стремление к алгоритму, она становится изменчивой и подвижной, как изменчива сама мысль. Современное компьютерное мышление теряет рассудочный характер, характерный для техники, когда начинает выстраивать наряду с реальностью окружающего мира, свою собственную реальность, укорененную только в творческом мышлении играющего индивида. Все перечисленные выше изменения не касаются, тем не менее, таких существенных черт техники как ее нацеленность на структурирование, упорядочивание и организацию мира и стремление господствовать над миром, где господство является результатом именно способности внести порядок и организацию в процессы. «Тот, кто владеет информацией – владеет миром», – девиз современной эпохи¹⁸².

Приведенная выше типология носит рабочий характер, содержит целый ряд спорных моментов (например, Шпенглер, отнесенный нами к эволюционистам, известен своей критикой последних), но, тем не менее, позволяет хоть немного упорядочить материал по философии техники.

Попробуем обобщить приведенный материал и подвести итоги.

Техника в различного рода подходах никогда не сводится к совокупности машин или механизмов, она определяется как особого рода деятельность. Суть этой деятельности становится понятной при противопоставлении ее природе и теории. Техника противоположна природе, потому что в отличие от природы имеет начало движения не в себе самой, в чем-то внешнем для объекта – в деятеле, и техника противоположна теории, потому что стремится не к истине, а к пользе. Техника всегда имеет отношение к такому способу деятельности с объектом, который не затрагивает его внутренней природы, а носит чисто внешний характер: техника речи – позволяет красиво говорить не о чем, или доказывать заведомо ложные истины, техника игры на рояле – не сделает из человека гениального пианиста. Увлечение технической стороной дела всегда таит опасность забвения истинной природы вещей и смысла деятельности. Оторванность техники от природы и истины, ее укорененность в субъекте деятельности, а не в мире, выявляет враждебный, насильственный характер технической деятельности и превращает жизнь человека как технического субъекта в борьбу с природой.

Наращение технического характера человеческой деятельности возможно только при условии, что природа во все больше

¹⁸² См., например: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.

и больше понимается как простой объект преобразований, сырье для человеческой деятельности.

Философы XX в. видят воплощение технического характера человеческого бытия в создании «мегамашин», «организаций» или «предприятий». Речь идет об особом способе организации человеческой деятельности. Характерным для него является строгая иерархия, в частности жесткая вертикаль власти, четкое распределение обязанностей, знание цели деятельности в рамках своего узкого функционала, но, возможно, полное непонимание конечных целей деятельности всей организации, определение ценности человека только с точки зрения эффективности его деятельности, или, что то же самое, полезности для организации. Объединение в организации – это способ человека выжить в борьбе с окружающим миром. Важно, отметить, что организация рождает иллюзию эффективности деятельности, и как результат, представление, что бороться против организации, по меньшей мере, неразумно, а по большому счету – преступно.

Является ли техническое отношение к миру специфически человеческим качеством? Ведь очевидно, что жизнь в рамках сложных организаций характерна и для многих видов животных. Исследуя эту проблему, философия техники формулирует один из важнейших признаков техники: техника человека, в отличие от техники животного, непрерывно развивается. Именно развитие техники и рождает понятие прогресса. Собственно говоря, техника – это, пожалуй, единственное, что прогрессивно развивается в обществе, если под прогрессом понимать непрерывное наращивание качественной и количественной мощности начальных характеристик какого-то явления. Мы не можем сказать, что прогрессивно развивается мораль, религия, искусство, они просто становятся другими, а вот техника – как способность человека организовать окружающий мир и подчинить его своим нуждам, очевидно, прогрессивно развивается. И по мере прогрессивного развития техники, усиливаются и негативные последствия технического способа мышления и организации жизни.

Несмотря на то, что проблему техники исследовали выдающиеся философы в XX в., многие проблемы так и не нашли однозначного решения. Даже в том случае, если философы примерно одинаково характеризуют сущность техники, они могут существенно расходиться во взглядах на время ее возникновения. Так, например, О. Шпенглер, Г. Маркузе и Л. Мэмфорд согласны в том, что техника – это технология, то есть способ мышления, основанный на деятельности рассудка, или здравого смысла, на который мы опираемся, решая ежедневные проблемы в окружающем мире, в основе такого способа мышления лежит расчет и стремится

он к выгоде. В тоже время Шпенглер и Мэмфорд относят возникновение техники ко времени возникновения первых цивилизаций, то есть, примерно, к III тыс. до н. э., а Маркузе связывает возникновение техники с развитием Новоевропейской науки и цивилизации.

Практически все философы согласны, что техника рождает особый способ организации жизни и деятельности, и с тем, что технический способ мышления и деятельности корениться в природе человека (как бы она не понималась) и не может быть изъят из человеческого бытия. Но совершенно не согласны в оценке последствий развития технической цивилизации для человека и мира в целом.

Оптимистическая оценка роли техники в современном обществе является, по всей видимости, результатом доступности технических достижений широким слоям общества и в целом относительно высокого уровня жизни населения развитых капиталистических стран.

Однако, этот оптимизм начинает вызывать обоснованные сомнения, если удерживая в уме определение техники как «мегамашины», «организации» и «предприятия» вспомнить довольно длинную историю человечества, в которой лишним (избыточным) продуктом, поставляемым техникой владели как правило далеко не все, а лишь избранные, историю в которой человек, освобожденный от необходимости тяжелого, механического труда редко направлял свои усилия на реализацию своего потенциала, а тот, кто все-таки себя реализовал, зачастую сделал это вопреки тяжелым жизненным условиям.

XX в. довольно быстро устал от машинной цивилизации и осознал ее фундаментальные недостатки: превращение человека в придаток машины, обезличивание ландшафта, развитие новых форм рабства, разрушение природы, т. е. естественной среды обитания и замена ее искусственной природой, разделение мира на промышленно развитые страны и так называемы, страны Третьего Мира и т. д.

Тем не менее, философия техники не склонна к огульному осуждению техники. Техника раскрывает потенциал развития, заложенный в мире и в человеке. Негативные последствия ее развития, возможно, являются болезнями роста. И хотя мы понимаем, сколь утопичны при современной скорости научно-технического прогресса прогнозы на будущее, у нас, тем не менее, есть основания верить, что тенденции развития информационного общества указывают возможные пути преодоления проблем индустриального общества.

Философия техники поднимает вопросы, ответив на которые мы отвечаем на вопрос: какова природа человека в самом широком

метафизическом смысле слова. Именно поэтому, практически, все названные в этой статье мыслители (большинство из которых не считали себя «философами техники») рассматривали технику как основную проблему современной культуры, истории, цивилизации.

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИИ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

А. А. Плинер

*магистрантка 1 курса направления «Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере» Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Термин «Онтология киберпространства» был введен американским философом Д. Копселлом в 2000 г. в работе «Онтология киберпространства: философия, право и будущее интеллектуальной собственности»¹⁸³. Возникновение данного понятия неразрывно связано с изучением информационных технологий и создаваемой с их помощью виртуальной реальности, что, в свою очередь, является одним из наиболее активно развивающихся направлений последних лет.

Для определения термина «онтология киберпространства» необходимо, прежде всего, обратить внимание на само понятие «киберпространство» ('cyberspace'). Оно образовано сочетанием двух корней английского языка — 'cyber', что означает «цифровой, связанный с информационными технологиями» и 'space' — «пространство». В современной науке понятие «киберпространство» определяется как часть ноосферы, а также как некоторая абстракция, объединяющая все информационные процессы, происходящие как внутри отдельных компьютеров, так и внутри компьютерных сетей. Копселл связывает возникновение этого термина с произведениями писателя-фантаста Уильяма Гибсона в жанре «киберпанк» ('cyberpunk'). В этих произведениях описывался некоторый мир будущего, в котором глобальная компьютерная сеть создавала особый вид «коллективных галлюцинаций», к которым мог подключиться любой желающий пользователь. Впоследствии термин «киберпространство» закрепился как один из широко используемых в обыденном общении синонимов для сети Интернет, однако необходимо учитывать, что понятия «киберпространство» и «Интернет» не являются тождественными.

Говоря о киберпространстве, Копселл приводит определение, данное его оппонентом М. Хаймом в работе «Метафизика

¹⁸³ Koepsell D. The Ontology of Cyberspace: Philosophy, Law, and the Future of Intellectual Property. Open Court, 2000. 160 c.